

3. Персонализация власти и институциональный плюрализм

Одним из самых примечательных фактов весьма тусклой советской политической жизни конца 60-х — начала 70-х гг. было возвышение внутри правящей группы Брежнева, вокруг которого предстояло сложиться настоящему — и вместе с тем комедийному — культу личности. К этому времени Брежнев прошел длинный политический путь — сначала при Сталине, затем при Хрущеве. Типичный представитель поколения «выдвиженцев», обязанных своими карьерами массовым чисткам второй половины 30-х гг., получивший сельскохозяйственное образование, Брежнев был с 1937 г. на советской и партийной работе, в годы войны — политработником в различных частях действующей армии, в 1946 — 1950 гг. — первым секретарем Запорожского, Днепропетровского обкомов КП(б) Украины. Избранный в 1950 г. первым секретарем ЦК КП(б) Молдавии, а на XIX съезде КПСС (1952 г.) — секретарем ЦК, он достиг пределов возможного для регионального партфункционера. После смерти Сталина Брежнев успешно проявил себя на посту первого секретаря ЦК Компартии Казахстана (1955 — 1956 гг.). Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС (1952 — 1953, 1956 — 1957 гг.), после разоблачения «антипартийной группы» (1957 г.) он был избран полноправным членом Президиума. Будучи с 1960 г. председателем Президиума Верховного Совета СССР, в решающий момент (лето 1964 г.) Брежнев сосредоточился на руководстве высшими партийными кадрами на ключевом посту в Секретариате ЦК. Выдвижение Л.Брежнева на первый план внутри «коллегиального руководства» началось на XXIII съезде КПСС, на котором он был избран своими соратниками Генеральным секретарем ЦК (до этого высшей партийной должностью был пост Первого секретаря), и утвердилось в начале 70-х гг., когда он занял место Косыгина на важнейших международных конференциях Востока и Запада (в предшествующий период Брежнев занимался исключительно отношениями внутри социалистического лагеря). Московская встреча в верхах в мае 1972 г. Брежнева и Никсона подтвердила первенство Генерального секретаря. Как и в эпоху Хрущева, внешняя политика сыграла решающую роль в упрочении авторитета первого руководителя страны. После этого стареющий правитель мог спокойно «почить на лаврах», купаясь в почестях и лести, подогревавших его старческую страсть к титулам и орденам. Брежнев получил семь орденов Ленина и пять звезд Героя Советского Союза и Социалистического труда. Помимо этого он был удостоен золотой медали им. Карла Маркса за «исключительный вклад в развитие марксистско-ленинской теории и в научное исследование актуальных проблем развития социализма и всемирно-исторической борьбы за коммунистические идеалы»; Ленинской премии мира и («по просьбам трудящихся») Ленинской премии по литературе за три брошюры: «Малая земля», «Возрождение» и «Целина» (выпущенных тиражом более 15 млн. экземпляров каждая). В этих брошюрах от первого лица рассказывалось о «подвигах» Брежнева во время войны и затем на «промышленном и сельскохозяйственном фронтах». Для Генерального секретаря была сфабрикована блестящая военная карьера: к 30-летию Победы ему было при-

своею звание генерала армии (апрель 1975 г.), а через год (!) Маршала Советского Союза (7 мая 1976 г.). Спустя два дня жители Днепропетровска присутствовали на открытии импозантного монумента своего самого знаменитого соотечественника. Наконец, 16 июня 1977 г. Брежнев занял также и почетный пост председателя Президиума Верховного Совета СССР. Эти градом сыпавшиеся почести и совмещение важнейших государственных постов не могут быть, однако, интерпретированы как простое возвращение к культу личности сталинского типа, Брежнев не вырвал власть у своих соратников в результате ожесточенной борьбы и устранения соперников, они сами отдали ее в его руки. Концентрация власти не нарушила политической стабильности. Брежнев выступил как представитель политической касты, как воплощение консенсуса и солидарности коалиции, с которой он никогда не собирался порывать,

Персонализация власти внутри дряхлеющей коалиции (средний возраст членов Политбюро в 1980 г. составлял 71 год), преследовавшая сохранение стабильного положения элиты и учет интересов различных бюрократических аппаратов, шла параллельно с формально-юридическим упорядочением функционирования политических механизмов и на фоне процесса юридической и конституционной легитимации, приведшего к принятию в 1977 г. новой Конституции. Партийные съезды регулярно и без срывов собирались теперь каждые пять лет. Провозглашалось, что задача съездов состояла в определении генеральной линии во внешней политике и установлении основных направлений пятилетних планов. На самом деле съезды чаще всего оказывались тщательно срежиссированным спектаклем единодушного одобрения директив, выработанных руководящими органами аппарата власти. Политические изменения в составе Политбюро или Секретариата, как уже отмечалось, всегда происходили не на съездах, а на пленумах ЦК. Согласно Э.Карер д'Анкос, вторая половина 60-х гг. была настоящим «золотым веком» ЦК. В течение этого периода он, казалось, действительно приобрел некоторое влияние и проявлял довольно значительную политическую активность. Это, несомненно, было связано с необходимостью в тот момент для руководящей группы укрепить отношения личной преданности после «смутных времен» Хрущева.

Однако с конца 60-х гг. значение ЦК партии в принятии решений стало падать, а его функции перешли к бюрократическим структурам отделов аппарата ЦК, в которых политическое управление на центральном уровне бойко осуществлялось полутора тысячами высокопоставленных партийных чиновников. Пленумы ЦК по-прежнему собирались дважды в год, но становились все более краткими (занимая в среднем два дня в году), и, главное, они имели все меньшее влияние на принятие важных решений как во внутренней, так и во внешней политике. Тем не менее ЦК сохранял свое значение как орган, в котором были представлены различные бюрократические аппараты страны.

Постоянное расширение ЦК партии, позволявшее выдвигать заслужившие того кадры и в то же время сохранять места за уже попавшими в этот престижный орган, шло параллельно с тщательным отбором и дозировкой Представителей от различных бюрократических структур (республиканских и союзных, от аппарата самой партии, от членов правительства, военных, КГБ, внешнеполитических ведомств). Анализируя это явление, Дж. Хок высказал мысль о появлении своего рода «институционального плюрализма», отражавшего главную перемену в сравнении с предыдущим периодом: отныне высшие партийные органы представляли институты власти, общественные организации и даже интересы некоторых отдельных республик.

По мнению М.Ферро, термин «институциональный полиморфизм» был бы более правомерен в специфическом контексте советской политической системы, для которой стала характерной практика ротации партийных кадров, перевода ответственных лиц из одного учреждения в другое. Трения, вызываемые соперничеством учреждений или функционеров, не были постоянными или связанными с отличным мировоззрением или особым статусом. Не было и непреодолимых барьеров между разными иерархическими структурами, о чем свидетельствуют многообразные и переменчивые карьеры представителей советской номенклатуры. Сочетая консерватизм и приспособляемость, советская бюрократия отнюдь не была инертным и окаменевшим образованием. В гораздо большей степени, чем принято считать в общих теориях тоталитаризма или «управляемого общества», ей была свойственна независимость и

способность к саморегулированию. Как показал Дж. Хок в своем труде «Советские префекты», анализ властных структур на местах позволяет сделать вывод, что первые секретари партийных комитетов были вовсе не «пассивными исполнителями», а посредниками между высшими эшелонами власти и массой, важными промежуточными инстанциями, в которых встречались одновременно спускаемые сверху директивы и требования общества, короче говоря, «местом, где конфликты могли находить начало своего решения». В конечном счете, заключает Дж. Хок, «никакое общество не может удержаться, если потоки текут в одном направлении, с вершины к основанию, и для советского общества это так же верно, как и для любого другого».